

А.А.Иванов

ИНТЕРВЕНЦИЯ КАК ЧАСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Ключевые слова: интервенция, международные отношения, конфликт, вторжение

Изучение интервенции с теоретической точки зрения остается для отечественной науки сравнительно новой темой. Несмотря на то что отдельные случаи иностранного военного вмешательства во внутренние дела независимых государств (Кореи, Греции, Вьетнама и т.д.) нашли отражение в исследовательской литературе, в настоящее время еще сложно говорить о наличии общей теории, способной объяснить существенные черты таких операций. Отсутствует также и унифицированный понятийный аппарат.

Как правило, российские ученые употребляют термин «интервенция» в значении «насильственное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства». Это определение является устоявшимся, но вряд ли с ним можно полностью согласиться. Указанная дефиниция, описывая особый вид международных конфликтов, не учитывает ни причин и целей осуществления интервенции, ни специфических средств, используемых для достижения этих целей, ни системы отношений, возникающих в процессе проведения подобных операций между противоборствующими сторонами.

Не вызывает сомнений, что для уяснения основных характеристик интервенции необходимо прежде всего выявить черты, отличающие данный вид конфликтов от иных форм межгосударственного противостояния. Для решения этой задачи представляется рациональным обратиться к методологическим наработкам конфликтологии — относительно новой для России науки, объединяющей отдельные элементы проблемных полей философии, социологии, политологии, истории, юриспруденции и математики в единый комплекс для исследования конфликтных ситуаций. В первую очередь следует коснуться терминологических аспектов проблемы.

В частности, если путаницы между понятиями «интервенция» и «война» обычно не возникает, так как граница между ними пролегает в чисто юридической плоскости (чтобы конфликт считался войной, таковую нужно официально объявить), то термины «интервенция» и «вторжение» часто используются как синонимы¹. Действительно, оба вида операций представляют собой форму агрессии и являются незаконными с точки зрения международного права². Однако при ближай-

¹ Грохотова 2010: 8—12; Сафронова 2006: 15—48.

² В 1981 г. была даже принята Декларация ООН «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств».

шем рассмотрении у названных феноменов оказывается гораздо больше различий, нежели общих черт.

На наш взгляд, интервенцией допустимо называть лишь ту операцию, которая проводится в странах, где уже существуют серьезные внутривнутриполитические противоречия, либо перешедшие в фазу вооруженной борьбы, либо имеющие тенденцию к этому. На данную особенность обращали внимание многие ученые. Так, американские исследователи С.Бланк и Л.Гринтер подчеркивали, что «с 1775 г. в каждой крупной гражданской войне или революции международная интервенция играла или стремилась играть огромную роль»³. О том же писал и российский историк Л.И.Ольштынский, отмечавший, что «революции и гражданские войны в истории были часто связаны с вмешательством внешних сил разных форм и масштабов»⁴.

³ *Blank et al.* 1993: 5.

⁴ *Ольштынский* 2009.

На взаимосвязь между внешней интервенцией и внутренними конфликтами указывал также один из крупных западных специалистов по интересующей нас проблематике С.Хоффманн. Согласно его заключению, основные причины, порождающие необходимость иностранного военного вмешательства в дела другой страны, — это исходящая от рассматриваемой страны угроза международному миру и массовое нарушение в ней прав человека⁵. Оба этих фактора прямо характеризуют степень конфликтности политического режима. В данную концепцию органично вписывается, например, интервенция Антанты в Советскую Россию (1918—1919 гг.), ибо, с одной стороны, нацеленность большевиков на мировую революцию угрожала глобальному миру, а с другой стороны, проводимая в РСФСР политика «красного террора» автоматически означала масштабные нарушения прав человека.

⁵ *Hoffmann* 1998: 161—164.

По мнению директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Т.В.Бордачева, обращение мирового сообщества к подобным инструментам воздействия обусловлено тем, что «отдельные проявления внутривнутригосударственных конфликтов неминуемо оказывают негативное влияние на жизнь и безопасность народов соседних стран»⁶. Стремление оградить себя от такого влияния и создает предпосылки для проведения военных операций в сопредельных государствах. В этом контексте тезис финского дипломата П.Торстилы, что этнические конфликты в Европе есть «нечто большее, нежели чисто локальные проблемы или внутренние дела»⁷, выглядит вполне логичным.

⁶ *Бордачев* 1998: 4.

⁷ *Torstila* 1992: 27.

В то же время изучение опыта интервенций XIX—XXI вв. доказывает, что иностранное военное вмешательство направлено не только на подавление насилия на конкретной территории, но и на инспирирование там социально-политических изменений, таких как предоставление автономии или самостоятельности отдельным регионам страны, подверженной интервенции (если причиной вмешательства была ожесточенная борьба за независимость), демилитаризация, принятие новых законов и подзаконных актов, изменение формы государственного устройства (от демократии до военной диктатуры) и т.д.

На протяжении XIX в. подобное наблюдалось неоднократно. К примеру, обретение Грецией в 1830 г. независимости от Османской империи во многом было следствием военного вмешательства России, Франции и Англии; в 1878 г. такой же статус, благодаря интервенции России, приобрели Сербия и Румыния. А результатом французской интервенции в Сирию для защиты местных христиан от притеснения со стороны мусульман (1860—1861 гг.) стало принятие конституции, вводившей на части территории страны должность правителя, избираемого из числа христиан⁸, то есть частичная трансформация системы государственного управления.

⁸ Орешкин 2005: 29—30.

В связи с этим профессор МГИМО(У) МИД РФ Ю.Н.Малеев предложил подразделять интервенцию на две стадии, первая из которых — силовая — подразумевает применение вооруженных сил или иных средств принуждения участников конфликта к миру, а вторая носит конструктивный характер и включает в себя комплекс мероприятий по «искоренению социальных причин», спровоцировавших насилие между противоборствующими сторонами⁹. Этот вывод вполне укладывается в схемы современной конфликтологии — с единственным уточнением: далеко не каждая интервенция (в силу объективных и субъективных обстоятельств) получает возможность реализовать свой конструктивный потенциал, и интервененты часто ограничиваются лишь силовыми действиями.

⁹ См. Ананьева 2009: 26; Тарасова 2011: 101.

Дальнейший разбор терминологических границ рассматриваемых понятий позволяет выявить между ними чрезвычайно важное различие. Если вторжение обычно направлено против внутренне стабильных государств и его целью является как раз их дестабилизация ради извлечения выгоды (территориальных захватов, наложения контрибуции, распространения влияния и т.д.), то в случае интервенции мы видим совершенно иную картину. Как выразился С.Хантингтон, «политические причины, провоцирующие военную интервенцию... лежат в области отсутствия или низкого уровня эффективности политических институтов»¹⁰, то есть именно внутренняя слабость, а вовсе не сила государства создает предпосылки для иностранного вмешательства.

¹⁰ Huntington 1968: 195—196.

Более того, военные интервенции «происходят не в вакууме и никогда не бывают абсолютно неожиданными», «они рождаются из череды серьезных политических кризисов»¹¹ в далеко не благополучных странах. К моменту введения иностранных войск на территорию независимого государства легитимность действующей в нем власти уже находится под сомнением, как это было на Кубе в 1906 г. или в Советской России в 1918 г. И хотя зарубежные интервенции тоже часто направлены на извлечение выгоды, ее получение связывается здесь с урегулированием конфликтов, а отнюдь не с их провоцированием или эскалацией.

¹¹ Kapetanyannis 1986: 317, 335.

Фактически можно утверждать, что действия инициаторов интервенции представляют собой попытку разрешить внутренний конфликт с помощью внешнего.

Российский исследователь И.П.Чернобровкин даже видит в военной интервенции крайнее средство «миротворческого контроля, поскольку посредничество и невоенные ресурсы давления оказываются недостаточными для прекращения... насилия»¹². Такой взгляд не нов и для зарубежной науки — например, в работах Дж.Старка и Л.Оппенгейма по международному праву интервенция называется в числе средств урегулирования территориальных споров наряду, скажем, с блокадой и эмбарго¹³.

¹² Чернобровкин 200: 141.

¹³ Starke 1958: 341; Oppenheim 1995: 132.

Еще во время упоминавшегося выше военного вмешательства России, Франции и Англии в ситуацию на Балканах, его участники обязались, содействуя «спасительному делу умиротворения Греции», отказаться от попыток добиться «увеличения своих владений», «исключительного влияния» и «преимущества в торговле для своих подданных»¹⁴. В дальнейшем заключение таких соглашений стало общепринятым. В 1861 г. аналогичный документ был подписан Великобританией, Францией и Испанией относительно интервенции в Мексике; в конце 1917 г. соглашение о правилах проведения интервенции в России заключили Великобритания и Франция.

¹⁴ Мартенс 1895: 355—362.

Вместе с тем, по оценке российской исследовательницы Е.А.Степановой, применение подобных методов урегулирования во второй половине XX в. обнаружило их несостоятельность — из 190 проанализированных ей случаев иностранной военной интервенции лишь в 57 (то есть в 30%) имело место прекращение открытой конфронтации¹⁵. Однако эти аргументы пока не принимаются во внимание политическими деятелями: поскольку интервенция воспринимается как крайнее средство разрешения конфликтных ситуаций, ее экстренный характер нивелирует недостаточную эффективность.

¹⁵ Степанова 2000: 83—94.

В 2000 г. тогдашний Генеральный секретарь ООН К.Аннан специально подчеркнул, что «вооруженная интервенция всегда должна оставаться крайним средством», хотя «перед лицом массовых убийств от этого средства нельзя отказываться»¹⁶. Впрочем, будучи актуальными для XXI в., эти слова с трудом применимы к предшествующему периоду, когда подобные действия мировых держав фактически были нормой. Более того, в XIX в. произошла своего рода рутинизация интервенции, к которой стали относиться как к обыденному явлению. Так, еще в 1833 г. дипломатические представители Российской империи, Австро-Венгрии и Пруссии подписали конвенцию о праве на интервенцию «во время смут внутренних, а также при внешней опасности» с согласия правительства страны, которая не могла справиться с собственными проблемами самостоятельно¹⁷. Как пишет британский историк Й.Браунли, к концу XIX в. большинство западных политиков и членов научного сообщества признали наличие у мировых держав права на военную интервенцию — если та не является «односторонней акцией, проводимой вооруженными силами одного государства на территории другого»¹⁸.

¹⁶ Цит. по: Мошкин 2007: 242.

¹⁷ Дмитриев (ред.) 1949: 749—750.

¹⁸ Brownlie 1963: 40.

Данный вывод, бесспорно, имеет под собой основания (к слову, это утверждение Браунли впоследствии поддержал и Ф.К.Эбью¹⁹), так как значительная часть интервенций XVIII—XIX вв. действительно носила коллективный характер. Можно вспомнить, к примеру, первую антифранцузскую коалицию (1791—1797 гг.), призванную остановить развитие революционного процесса во Франции, сопровождавшегося массовым террором, конфликтами на этнической почве и сепаратизмом отдельных областей. Для обеспечения безопасности Европы и поддержания собственной внутривнутриполитической стабильности тогда объединились такие государства, как Англия, Пруссия, Австрия, Испания, Голландия. Сходным образом в интервенции в Китай во время Ихэтуаньского восстания 1899—1901 гг. участвовали вооруженные силы шести европейских держав (среди которых была и Россия), Японии и Соединенных Штатов²⁰. Впрочем, нельзя не отметить, что в указанный период коалиционный формат интервенций еще находился в стадии становления и его окончательное закрепление связано с появлением крупных постоянно действующих военно-политических блоков во второй половине XX в.

¹⁹ *Abiew 1999: 43.*

²⁰ *Ложкин 2012: 20.*

²¹ *Архипов 2004: 269.*

²² *Хохлюк 1981: 142—143.*

Следует также учитывать, что вторжение обязательно включает в себя открытое применение вооруженной силы, тогда как при интервенции используется гораздо более широкий арсенал средств. В частности, вмешательство может осуществляться через специальные разведывательно-диверсионные структуры или дипломатические каналы (к формам интервенции могут быть отнесены политические убийства, шантаж, организация заговоров и переворотов и др.²¹). В связи с этим различают открытые и скрытые интервенции — если первые предполагают открытое применение военной силы, то вторые реализуются с помощью секретных, негласных методов. В современных условиях эта особенность интервенций приобрела большую актуальность, и во внешнеполитических конфликтах цели сторон все чаще достигаются не за счет прямого вооруженного воздействия, а через использование альтернативных механизмов — диверсионных, экономических, дипломатических, информационных, психологических и т.д.

Например, широкое распространение получила экономическая интервенция путем финансирования оппозиционных сил, провоцирования забастовок, введения санкций экономического характера или даже подделки национальной валюты²². Такие методы применялись в отношении Китая (после вступления его в Корейскую войну 1950—1953 гг.), Чили (в 1972—1973 гг.), Никарагуа (в 1980-х годах) и т.д. Деятельность Коминтерна по финансированию социалистических партий и групп в Европе и за ее пределами тоже может считаться формой экономической интервенции.

На основе изучения различных форм иностранного вмешательства Хоффманн предложил разделить их на три категории: в первом случае действия зарубежных сил ограничиваются оказанием гуманитар-

ной помощи населению страны, в которой разворачивается конфликт; во втором — проводятся операции по «принуждению к миру» как в оборонительной, так и в наступательной форме; третий сценарий предусматривает использование любых средств, способных подвинуть противников к прекращению огня и вступлению в переговоры, вплоть до физической ликвидации политических лидеров противоборствующих лагерей. Несмотря на то что подобный формат урегулирования, по сути, означает выход за рамки правового поля, он неоднократно применялся в ходе конфликтов на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Кавказе и в Латинской Америке²³.

²³ *Kelley 1965; Beres 1995; Gross 2003; Schmitt 2011: 283—360.*

В связи с развитием процессов глобализации, а также под влиянием ряда иных обстоятельств в конце XX — начале XXI в. получила распространение так называемая гуманитарная интервенция. Суть интервенции данного типа точнее всего выразил словацкий публицист Д.Шмигула, определивший ее как «военное вмешательство государства или международного сообщества в целях защиты прав индивида от его собственного государства без согласия последнего»²⁴. Такого рода операции проводились в Сомали в 1992—1995 гг., в Югославии в 1999 г., в Ливии в 2011 г., вызвав ожесточенные дискуссии среди общественно-политических деятелей. И эти дискуссии продолжаются до сих пор.

²⁴ *Цит. по: Дзуриндин 2009: 86.*

Однако, несмотря на широкий общественный резонанс, отличия «гуманитарных» вмешательств от обычных весьма условны и, в сущности, сводятся к двум моментам. Во-первых, подобные вмешательства осуществляются исключительно силовым путем при активном использовании вооруженных сил. Во-вторых, их легитимность, как правило, обосновывается не столько национальными интересами страны-агрессора, сколько ссылками на необходимость защиты общечеловеческих ценностей, поддержания мира и стабильности как на конкретной территории, так и в глобальном масштабе. Появление такого видения интервенции обычно связывают с именем Г.Гроция, который еще в XVII в. в трактате «О праве войны и мира» высказывался за наказание правителей, творящих «явное беззаконие» по отношению к собственным подданным, путем привлечения зарубежных сил²⁵. В конце XX в. эта идея была реанимирована французским дипломатом Б.Кушнером в его книге «Обязанность вмешаться»²⁶.

²⁵ *Гроций 1956: 562—563.*

²⁶ *Kouchner 1987.*

Современная трактовка данной идеи заключается в том, что, пока в мире продолжают существовать политические режимы, систематически ущемляющие права человека, закрепленные международными правовыми актами (Уставом ООН, Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. и др.), вмешательство во внутренние дела соответствующих государств является не только допустимым, но порой и обязательным. Подобный подход стал логическим продолжением практики, утвердившейся еще в XX в., когда чуть ли не каждая интервенция оправдывалась с помощью морально-этических аргументов, хотя, как справедливо отмечал Браунли, все они проводились «в политических целях, далеких от идей гуманизма»²⁷.

²⁷ *Brownlie 1963: 339.*

Политические деятели неоднократно апеллировали к необходимости поддержания порядка и стабильности, а также защиты общечеловеческих ценностей вооруженными методами. В этом контексте военная агрессия представляла средством воплощения конструктивных функций конфликта²⁸.

²⁸ *Simmel 1908: 251; Cooley 1909: 199; Соловьев 2005: 27.*

Например, в речи кайзера Вильгельма II перед солдатами, направляемыми в Китай для подавления Ихэтуаньского восстания, содержался призыв не только защитить немецких граждан и продемонстрировать миру военную мощь Германии, но и «открыть путь цивилизации». В представлении главы немецкого государства восточная модель управления была неэффективна, так как строилась не на христианских принципах, и германские войска должны были доказать это китайцам, нанося им поражение²⁹. То есть, интервенция воспринималась им как инструмент, способный спровоцировать переоценку ценностей у жителей Азии.

²⁹ *Ernst 1966: 86—88.*

Достаточно часто прибегало к подобным аргументам и руководство Соединенных Штатов. Так, в 1906 г. вооруженное вмешательство США в дела Кубы, где в то время происходило восстание антиправительственных сил, осуществлялось под лозунгами «восстановления порядка» и «защиты жизни, собственности и личной свободы» кубинцев, хотя из докладов разведки ясно, что реальные цели интервенции лежали в плоскости защиты американских инвестиций и установления политического контроля над островом³⁰. Сходная риторика использовалась и перед вводом американских войск на Гренаду в 1983 г., при том что в действительности эта операция была призвана воспрепятствовать утверждению на острове прокоммунистического левого правительства.

³⁰ *Millett 1968: 41, 102, 178—183.*

Без сомнения, апелляцию политиков к «гуманитарным» ценностям вряд ли стоит воспринимать полностью всерьез, поскольку в своих поступках государственные деятели, как правило, руководствуются рациональными соображениями и действуют исходя из экономических и политических интересов своей страны. Но при всем том легитимность интервенции как операции, не носящей характера войны, сегодня, как и в прошлом, зависит в первую очередь от общественной поддержки³¹. В связи с этим отечественные и зарубежные ученые и общественные деятели неоднократно выражали недовольство по поводу расхождения между официальными и фактическими задачами гуманитарных интервенций³², а также несоответствия их международному праву.

³¹ *Hillen 1996.*

³² *Thakur, Banerjee 2003: 204; Шумилов 2010: 295.*

Понимая справедливость многих из высказываемых упреков, сторонники интервенционной политики сформулировали несколько требований, призванных гарантировать эффективность подобного рода операций и одобрение их общественностью. Одно из таких требований — беспристрастность государства-интервента, отсутствие у него какой-либо политической или экономической заинтересованности в исходе конфликта³³. Кроме того, как считают некоторые авторы, интервенция допустима лишь с согласия хотя бы части граждан государ-

³³ *Verwey 1985: 418.*

ства, которое становится объектом зарубежного военного вмешательства, и «иностранные войска имеют моральное право оказать жертвам угнетения помощь в свержении диктаторов при условии, что интервенция пропорциональна злу, которое она должна устранить»³⁴.

³⁴ *Teson 1998: 15.*

Любопытно, что аналогичное мнение выражал еще в 1940 г. Л.Д.Троцкий. В «Бюллетене оппозиции» первый нарком иностранных дел РСФСР писал: «Робеспьер говорил, что народы не любят миссионеров со штыками. Он хотел этим сказать, что нельзя навязывать другим народам революционные идеи и убеждения при помощи военного насилия. Эта правильная мысль не означает, разумеется, недопустимости военной интервенции в других странах с целью содействия революции. Но такая интервенция, как часть революционной международной политики, должна быть понятна международному пролетариату, должна отвечать желаниям рабочих масс той страны, на территорию которой вступают революционные войска»³⁵.

³⁵ *Троцкий 1940: 10.*

Современная практика международных отношений наглядно показывает, что нарушение этих правил лишает интервенцию конструктивного потенциала. Поэтому при принятии соответствующих внешнеполитических решений необходимо учитывать исторический опыт — и достижения конфликтологической науки.

Библиография

- Ананьева** Е. 2009. Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом // *Международная жизнь*. № 7.
- Архипов** А.И. 2004. *Экономический словарь*. — М.
- Бордачев** Т.В. 1998. *Миротворческая и гуманитарная интервенция и ее место в поддержании глобальной и региональной безопасности: современные теории и практический опыт*. Автореферат дисс. на соискание уч. степени к.полит.н. — СПб.
- Грохотова** В.В. 2010. Становление и развитие концепции «гуманитарной интервенции» // *История государства и права*. № 5.
- Гроций** Г. 1956. *О праве войны и мира*. — М.
- Дмитриев** С.С. (ред.) 1949. *Хрестоматия по истории СССР*. Т. 2. — М.
- Дзуриндин** И. 2009. Гуманитарная интервенция — инструмент неолиберализма и глобализма // *Обозреватель — Observer*. № 2.
- Ложкин** А.Г. 2012. *Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: Историко-правовые аспекты новейших исследований*. — М.
- Мартенс** Ф.Ф. 1895. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. Т. 11. — СПб.
- Мошкин** С.В. 2007. Гуманитарные интервенции: условия и приоритеты // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. — Екатеринбург.
- Ольштынский** Л.И. 2009. *Периодизация и характер гражданской войны в России в свете современной военной науки (военно-*

теоретический и социально-политический анализ) (<http://www.lenor.ru/content/view/14/23/lang.ru/>).

Орешкин Р.В. 2005. «Гуманитарная интервенция» в общей внешней политике и политике безопасности Европейского Союза в 90-е гг. XX века. Дисс. на соискание уч. степени к.и.н. — Волгоград.

Сафронова Е.И. 2006. Актуализация проблемы допустимости гуманитарной интервенции: Подходы КНР и России // Сафронова Е.И. (ред.) *Китай в мировой и региональной политике*. Вып. XI. — М.

Соловьев В.С. 2005. Смысл войны // *Русские философы о войне*. — М.

Степанова Е.А. 2000. Интернационализация локально-региональных конфликтов // *Международная жизнь*. № 11.

Тарасова Л.Н. 2011. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 5. № 1(15).

Троцкий Л.Д. 1940. Еще и еще раз о природе СССР // *Бюллетень оппозиции*. № 81.

Хохлюк Г.С. 1981. *Уроки борьбы с контрреволюцией*. — М.

Чернобровкин И.П. 2005. Принципы и тенденции миротворческого контроля внутрисоюзных конфликтов // *Политическая наука*. № 4.

Шумилов М.М. 2010. Несостоятельность теории и практики однопольного мира // *Научные труды Северо-Западной академии государственной службы*. Т. 1. № 1.

Abiew F.K. 1999. *The Evolution of the Doctrine and Practice of Humanitarian Intervention*. — Boston.

Beres L.R. 1995. Assassination and the Law: A Policy Memorandum // *Studies in Conflict and Terrorism*. Vol. 18.

Blank S.J., Grinter L.E., Magyar K.P., Ware L.B., Weathers B.E. 1993. *Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions*. — Washington.

Brownlie I. 1963. *International Law and the Use of Force by States*. — Oxford.

Cooley C.H. 1909. *Social Organization*. — N.Y.

Gross M.L. 2003. Fighting by Other Means in the Mideast: a Critical Analysis of Israel's Assassination Policy // *Political Studies*. Vol. 51.

Hillen J. 1996. American Military Intervention: A User's Guide // *The Backgrounder*. 2.05.

Hoffmann S. 1998. *World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era*. — Lanham.

Huntington S.P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. — Yale.

Капетаняннис К. 1986. *Socio-Political Conflicts and Military Intervention: The Case of Greece, 1950—1967*. PhD Thesis. — L.

Kelley J.B. 1965. Assassination in Wartime // *Military Law Review*. Vol. 30.

Kouchner B. 1987. *Le Devoir d'Ingerence*. — P.

- Millett** A.R. 1968. *The Politics of Intervention: The Military Occupation of Cuba, 1906—1909*. — Columbus.
- Oppenheim** L. 1995. *International Law*. Vol. II. — L.
- Ernst** J. (Hrsg.) 1966. *Reden des Kaisers. Ansprachen, Predigten, und Trinksprüche Wilhelms II*. — Munich.
- Schmitt** M.N. 2011. *Essays on Law and War at the Fault Lines*. — Hague.
- Simmel** G. 1908. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. — Leipzig.
- Starke** J.G. 1958. *An Introduction to International Law*. — L.
- Teson** F. 1998. *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*. — N.Y.
- Thakur** R., Banerjee D. 2003. India: Democratic, Poor, Internationalist // Ku C., Jacobson H.K. (eds.) *Democratic Accountability and the Use of Force in International Law*. — Cambridge.
- Torstila** P. 1992. The Helsinki Process: A Success Story and New Challenges // *Disarmament*. Vol. 1. № 4.
- Verwey** W.D. 1985. Humanitarian Intervention under International Law // *Netherlands International Law Review*. Vol. 32.